

УДК 330

П. А. Минакир, А. Н. Демьяненко

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ЭКОНОМИКА: ЭВОЛЮЦИЯ ПОДХОДОВ И МЕТОДОЛОГИЯ

Рассмотрена эволюция теоретических принципов и подходов к исследованию пространственной организации экономики. Проанализировано изменение содержания категории «экономический регион», приведена сравнительная оценка теоретических подходов к исследованию пространственных аспектов экономики. Показана ограниченность теоретических и прикладных средств региональной экономики в изучении пространственной организации и пространственных взаимодействий экономических агентов современной экономики.

Регион, региональная экономика, пространственная экономика, теория, методология, локализация, комплексы, экономическое равновесие, макроэкономика, глобальные системы, микроэкономика.

ВВЕДЕНИЕ

Пространственные аспекты превратились сегодня в один из наиболее популярных объектов анализа не только экономики, но и целого ряда смежных с ней отраслей знания; множится число публикаций, в которых в той или иной мере затрагиваются проблемы пространственной организации экономики; все чаще раздаются призывы к формированию пространственной науки, включающей в себя и экономику, и социальную сферу, и экологию, и прочая, и прочая.

Все это очень напоминает ситуацию с региональной наукой середины

© Минакир П. А., Демьяненко А. Н., 2010

Статья подготовлена при поддержке проектов ДВО РАН № 09-1-П24-01, № 09-1-П26-02 и интеграционного проекта ДВО и УрО РАН № 09-11-УО-10-001.

прошлого века, которая, по замыслу ряда исследователей, должна была синтезировать научные направления, имеющие отношение к изучению пространственных проявлений экономической деятельности. Напомним: синтез не удался. В небольшой статье трудно привести развернутую аргументацию этого, но достаточно обратиться к работам одного из основоположников современной региональной экономики У. Изарда, который, подводя итоги и определяя перспективы развития своих исследований в области методов регионального анализа, откровенно признался, что «...все, что здесь изложено, представляет собой не более чем введение в науку о регионах, да и то только частичное введение» [18]¹.

Сейчас, пожалуй, отмечается едва ли не пик интереса исследователей и практиков-управленцев к региональным аспектам экономической теории и экономической политики. Это направление исследований и прикладных разработок имеет богатую историю в СССР и в России. Причиной такого интереса, очевидно, являются два обстоятельства.

Во-первых, иллюзия благополучия в сфере макроэкономической динамики² и вместе с тем явные неудачи в области поисков механизмов модернизации экономики заставляют практических управленцев обратить внимание на потенциал территориальной организации национальной экономики.

Во-вторых, связанные с ожиданиями управленцев надежды на перенос акцента в модернизации экономики на уровень территориальной организации и управления натолкнулись на очевидную неготовность экономической теории интегрировать пространственный аспект экономической динамики в канонические модели общего экономического равновесия и динамики.

Конечно, наиболее важными для практического управления экономикой являются проблемы практической же территориальной организации экономики и управления ею. Архаичность территориальной организации и механизмов управления в территориальном аспекте очевидна. И любые, сколь угодно эмоциональные, оценки такого положения вовсе не кажутся преувеличенными. Например, в одной из сравнительно свежих работ по проблемам территориальной организации экономики России утверждается: «Россия имеет предельно устаревшую систему расселения и размещения производительных сил. Значительная часть ее была создана искусственно под проект советской индустриализации и до сих пор обслуживает страну, которой уже нет» (см., напр.: [21, с. 149]). Говоря, что система расселения и

¹ Напомним, что на языке оригинала эта работа под названием «Methods of Regional Analysis: an Introduction to Regional Science» вышла в 1960 г., являясь, по мнению автора, продолжением опубликованной в 1956 г. книги «Location and Space-Economy».

² Эта иллюзия была несколько поколеблена событиями 2008—2009 гг., но полностью не исчезла.

размещения производства была создана искусственно, авторы цитированной работы, наверное, погорячились. Но то, что сложившаяся к настоящему времени территориальная организация экономики обслуживает страну, которой нет, — справедливо. Но столь же справедливо и то, что одними эмоциями и констатацией фактов, даже очевидных, положение исправить невозможно. Интуитивные действия по методу проб и ошибок, как правило, не дают результата.

В частности, стремление «втащить» пространство в орбиту экономического администрирования, каким-то образом воздействовать на территориальную организацию общественного хозяйства породило уже в новейшей экономической истории России «движение за стратегизацию», появление неисчислимого множества самых различных региональных и муниципальных «стратегий». Но даже в самых продвинутых из этих «стратегий» пространство фактически отсутствует, причем отсутствует как географическое пространство, так и пространство экономическое.

Очевидно, недостаточно одного желания «что-то изменить в развитии регионов». Пространственно локализованные экономические агенты подчиняют свое поведение унифицированным экономическим законам, которые не различают географических координат, климатических или геологических особенностей. И если пространственный фактор является существенным для понимания и описания реальных закономерностей экономического поведения, формирования синтетических результатов экономической деятельности в масштабах национальной экономики и мира, то для явного определения особенностей проявления этих закономерностей необходимо четко представить теоретическую основу и инструментальные средства для получения подобных результатов.

Вместе с тем положение дел в области методологии и методики региональных исследований оставляет до сих пор желать лучшего.

При изучении экономики отдельных регионов можно согласиться с тем, что исследование сосредоточено на интерпретациях результатов анализа данных государственной статистики, имеющих отношение к административно-территориальным единицам различного уровня. Такой анализ необходим как с точки зрения достоверного описания фактического положения дел в области хозяйства определенной административной единицы, так и с точки зрения систематизации информации для принятия управленческих решений, относящихся к данной единице территориальной организации страны. Хотя всегда при этом следует помнить, что «цифры увлекают: исследователь переносит главное внимание на их колебания... а не на ход эволюции» [20, с. 187]. В то же время именно «ход эволюции» и есть главное, что необходимо не просто для управления развитием регионов, но и для оптимального

использования экономических ресурсов общества, имея в виду объективную неравномерность пространственного распределения эффектов от использования факторов производства.

Иное дело, когда задачей исследования является описание экономического пространства в его различных проявлениях. Правда, в последние годы появилось немало публикаций, в названии которых присутствует термин «экономическое пространство» (см., напр.: [2; 3; 44 и др.]¹). Появились и первые в отечественной научной литературе обобщающие работы, в которых в явном виде делаются попытки обосновать теоретико-методологические основы пространственной экономики (см., напр.: [11; 14; 19; 32; 33]).

Можно сказать, что результатом интенсивного развития региональных разработок (в основном прикладного характера) в течение последнего десятилетия стало то, что доказывать необходимость выявления и учета пространственного фактора в экономике России более нет нужды. Но единообразного и непротиворечивого представления о том, каковы теоретико-методологические основания исследования пространственного фактора в экономике, пока не выработано.

Неудивительно, что исследователи пытаются заполнить теоретический «вакуум» поиском готовых рецептов на Западе. Использование зарубежных достижений, особенно в области теоретико-методологической, — продуктивный прием, который помогает экономить время и силы, а кроме того, гарантирует «нахождение в эпсилон-окрестности» теоретического мейнстрима. Однако это способно породить эклектику и некритичное восприятие конкретного исторического, географического и экономического контекстов. В частности, этим следует, очевидно, объяснить частую смену концепций пространственной организации, лежащих в основе российской региональной политики в последнее время. Например, на смену политике выравнивания пришла концепция «регионов — локомотивов развития», затем появилась концепция зон опережающего развития и, наконец, кластеры. И каждый раз не только чиновники, но и эксперты, исследователи с искренним восторгом провозглашали очередную «новацию» панацеей, а адептов этой концепции — новыми мессиями.

Вместе с тем следует согласиться с оценкой Р. Р. Нельсона и У. Дж. Уинтера, которые не без оснований полагали, что «функционирование рыночной экономики в России нельзя адекватно понять, основываясь на закономерностях, наблюдаемых в других индустриальных странах...» [36, с. 10]. Конечно, знать зарубежный опыт необходимо. Но для начала все-таки следует:

¹ Но это, скорее, компиляции (что вовсе не плохо), а не работы, претендующие на постановку, а тем более решение, задач построения теоретических основ пространственной экономики.

а) разобраться с отечественным опытом и б) определиться, для решения каких задач целесообразно привлечение зарубежного опыта, имея в виду, что любые кросс-культурные заимствования предполагают оценку адаптационных возможностей принимающей стороны.

Обе эти задачи, в свою очередь, предполагают в качестве предварительного условия их решения детальное изучение экономического пространства России, прежде всего (но не только), в разрезе экономических регионов и не менее детальное изучение теоретического наследия отечественных ученых. Изучение отечественного теоретического и экспериментального наследия в области пространственной экономики представляется столь же важным, сколь и наименее продвинутое к настоящему времени. Исследования, посвященные отечественной экономической мысли, вообще являются довольно редким явлением¹, но даже те, что имеются, тонут в многочисленных публикациях, ностальгирующих по госплановскому прошлому. Не менее печально обстоит дело и с исследованиями экономического наследия в области пространственной экономики в России. Отдельные публикации, появившиеся в последнее время усилиями дальневосточных ученых, не решают полностью проблемы (см., напр.: [4; 5; 17; 30] и др.).

Отечественная наука к настоящему времени накопила огромный материал относительно экономического развития регионов. Однако следует подчеркнуть, что под экономическими регионами в данной статье подразумеваются отнюдь не административно-территориальные единицы. Разумеется, их географические очертания могут совпадать. Более того, как будет показано выше, одним из результатов развития национальной экономики и разделения труда является сближение экономических и административных регионов. Но в общем случае административно-территориальная единица и экономический регион — различные понятия и объекты. Именно поэтому мысль В. И. Гриневецкого, высказанная им еще в 1919 г. относительно того, что при рассмотрении задач экономической политики «выяснение районных условий и перспектив приходится ставить на первую очередь, ибо в этом отношении остается очень много неясного» [15, с. 196], до настоящего времени актуальна. Это утверждение вовсе не означает, что авторы готовы ответить на ключевой вопрос: какой должна быть пространственная организация российской экономики?

Ответ на этот вопрос предполагает наличие консенсуса в области исходных понятий, степень неопределенности и «свободы мыслиизложения» в которой недопустимо велика. Задача, конечно, заключается не в уточнении тех или иных определений, а в формировании понятийно-категориального ап-

¹ См., напр.: [27], ряд вводных статей в серии «Экономическое наследие» издательства «Экономика».

парата, опираясь на описание таких явлений, как экономическое пространство, экономический район (регион), экономика региона и региональная экономика, наконец, пространственная экономика.

Наша исходная позиция не блещет новизной, и тем не менее внепространственной экономики нет и быть не может. На Первом российском экономическом конгрессе (Москва, декабрь 2009 г.), а также в некоторых публикациях последнего времени предлагалось определить пространственную экономику в качестве третьего системообразующего элемента в системе экономических наук наряду с микро- и макроэкономикой (см., напр.: [13; 28; 38] и др.). Однако тот факт, что в рамках существующих теоретических построений в макро- и микроэкономике практически нет места для экономического пространства, не является доказательством вышеприведенного тезиса. В действительности экономическое пространство присутствует в круге задач, исследуемых в рамках как микро-, так и макроэкономики. Любые суждения об эффективности фирмы вне экономического пространства могут вызвать только удивление. Но не меньшее удивление могут вызвать и суждения (хотя они достаточно часты) относительно макроэкономических пропорций без учета таких свойств экономического пространства, как иерархичность и неоднородность.

Другое дело, что до недавнего времени доминирующее положение в системе экономических наук занимали проблемы, имеющие преимущественно «временной» характер, «пространственные» же исследовательские проблемы явно находились вне мейнстрима. Впрочем, это не исключительная проблема отечественной экономической науки. Достаточно обратиться к двум компендиумам [7; 6]. В первом из них то, что можно отнести к проблематике пространственной экономики, занимает объем менее страницы, а во втором этой проблематике места просто не нашлось. Конечно, можно вспомнить, что «отец» новой экономической географии П. Кругман получил Нобелевскую премию по экономике, но это то исключение, которое подтверждает правило.

Не случайно поэтому до сих пор нет определенности ни с тем, каково самостоятельное содержание пространственной экономики, ни с тем, каково ее место в системе экономической науки. Попытки редуцирования экономической теории до регионального уровня недостаточно убедительны. Впрочем, еще в середине 70-х гг. XX в. состоятельность редуцирования экономической теории до регионального уровня подвергалась основательным сомнениям [24].

Вместе с тем исследование пространственных аспектов экономики настоятельно требует теоретического и экспериментального обеспечения. Это — сложная задача. Специфика объекта исследования важна, но еще

важнее ответ на вопрос относительно методологии. Последняя все еще не оформилась должным образом [32]. Ситуация осложняется настойчивыми попытками представить исследование пространственных аспектов экономического развития в качестве некоей новой «супернауки», подчеркивая ее пограничный характер. Действительно, изучение процессов, происходящих в пространстве, невозможно без использования целого семейства региональных естественноисторических и общественных дисциплин.

Однако, с одной стороны, процессы взаимодействия на междисциплинарном уровне имеют, скорее, эпизодический, чем системный характер¹. А с другой стороны, существует реальная опасность, что вполне оправданное желание формирования междисциплинарного синтеза может привести к размыванию границ проблемной области и потере эффекта специализации в научной работе. В результате может возобладать искушение поставить на место «региональной науки» «пространственную науку». При этом полезно помнить об опасности, подмеченной Й. А. Шумпетером относительно взаимоотношений между экономикой и социологией: «...Я отнюдь не уверен в благотворности более тесного сотрудничества, шумно одобряемого дилетантами. Оно вряд ли способно принести «чистую» выгоду, поскольку влечет за собою утрату преимуществ узкой специализации» [52, с. 32].

Важной предпосылкой при обсуждении эволюции проблемной области пространственной экономики является то, что ее границы не оставались неизменными. Отчасти изменения были обусловлены эволюцией самой экономики, включая экономическое пространство, отчасти — внутренней логикой развития экономической науки. В любом случае понимание генезиса теоретических воззрений дает ключ к пониманию логики новых построений, описывающих новые явления и процессы реальной экономической жизни. Как отмечал Й. Шумпетер: «В отсутствие удовлетворительных обобщающих работ нам принесет пользу изучение истории науки. Для экономической теории... справедливо положение о том, что современные проблемы, методы и результаты научных исследований не могут быть полностью поняты, если нам неизвестно, как именно экономисты пришли к нынешнему образу мыслей» [52, с. 7]. Важное значение имеет также и принцип Г. В. Вернадского, который предлагал рассматривать историю как комбинацию дискретных периодов, отдавая себе отчет в непрерывности исторического процесса².

¹ На преодоление этого недостатка, в частности, ориентирована программа Президиума РАН «Фундаментальные проблемы пространственного развития: междисциплинарный синтез» [11].

² «История — это непрерывный процесс, который не имеет пауз, и любое предложенное нами деление, конечно, будет весьма схематичным и произвольным. Тем не менее история может изучаться только по частям» [9, с. 20].

В самом общем виде пространственные исследования в экономике в своем развитии прошли через три этапа, отличающихся друг от друга как состоянием собственно экономики (объекта), так и состоянием экономической науки (субъекта).

ЭТАП ПЕРВЫЙ — СТАНОВЛЕНИЕ ЭКОНОМИКИ РЕГИОНОВ

Первый этап развития пространственных исследований был наиболее длительным и связан с доиндустриальными экономическими системами, основанными на аграрной революции, имевшей место примерно 10 тысяч лет тому назад¹. Экономика этого периода отличалась слабой пространственной дифференциацией, а сама дифференциация определялась неоднородностью географического пространства. На значительных пространствах доминировало «хозяйство собирания», которое представляло собой как бы предварительную ступень собственно экономики, отличительной чертой которой, по Э. Фридриху, является то, что «место, время, количество и качество предписывается природой» [45, с. 28].

Экономические районы уже начали формироваться на отдельных территориях, но их формирование и функционирование находились под доминирующим воздействием сочетания природных факторов и живого труда. В структуре районов преобладали элементы, присущие аграрной экономике; изменения в территориально-отраслевой структуре происходили крайне медленно, а взаимодействия между районами, как правило, имели незначительные масштабы и нередко имели эпизодический характер, сводясь преимущественно к торговле товарами.

Пространственная мобильность товаров была крайне невелика, что определяло фрагментацию рыночного пространства и формирование замыкающихся локальных рынков. Как отмечал Ф. Бродель: «На суше и вдоль течения рек столетиями и столетиями организовывались цепочки локальных и региональных рынков» [8, с. 29]. Впрочем, локальные рынки превратились в устойчивую экономическую форму. Видоизменившись, они сохранились до наших дней даже в самых развитых экономиках. Например, в США производства, ориентированные на локальные рынки, обеспечивают до 67% занятости в частном секторе [39, с. 132], а доля товаров, реализуемых в основном на таких рынках (рядом с местом производства) и не поддающихся транспортировке на дальние расстояния, в развитых странах (США, Запад-

¹ О происхождении сельского хозяйства имеется настолько обширная литература, и отечественная и зарубежная, что авторы посчитали возможным ограничиться вслед за Э. Тоффлером ссылкой на [53] и [26].

ная Европа, Япония) составляют от 55 до 80% объема всех продаж товаров [21, с. 65].

Но в то же время существовал и рынок, если и не глобальный, то, во всяком случае, близкий к нему по территориальному охвату, организуемый за-морской или дальнепривозной торговлей. Дальнепривозная торговля была связана с крайне редкими и дорогостоящими товарами (драгоценные металлы и изделия из них, пряности, фарфор, шелк и т. п.), но именно она связывала отдельные миры-экономики и миры-империи друг с другом. Под мирами-экономиками и мирами-империями подразумевается «экономически самостоятельный кусок планеты, способный в основном быть самодостаточным, таким, которому его внутренние связи и обмены придают определенное органическое единство» [8, с. 14]. Между этими «мирами» находились рынки, обслуживавшие межрегиональные обмены посредством ярмарочной торговли, как, например, ярмарки Шампани в XIII в., которые стали связующим элементом целого экономического региона, простиравшегося от Нидерландов до Средиземноморья [8, с. 92—93].

Таким образом, на протяжении первого этапа рыночные механизмы охватывали все более разнообразные сферы экономики и территории, при этом происходило их усложнение. Правда, в основном доминировали открытые рынки (open market), обслуживавшие обмены на локальном уровне. Впрочем, такие «нецивилизованные» формы организации рынков, возникшие в условиях доиндустриальных рыночных систем, как открытые рынки и ярмарки, до настоящего времени демонстрируют значительные адаптационные возможности и вполне успешно конкурируют с самыми «прогрессивными» торговыми форматами.

Районоорганизующие центры в подавляющем большинстве были невелики по размерам и отличались достаточно простой структурой. В изучении пространственных проявлений экономической деятельности преобладало описание тех или иных явлений хозяйственной жизни с привязкой их к определенным странам и местностям. Проблема идентификации собственно экономических районов как целостных территориальных образований просто не стояла. Более того, для экономики регионов сама проблема определения границ не является существенной, так как в рамках этого научного направления исследуется экономика региона, независимо от того, в соответствии с какими критериями он был выделен.

Поэтому первоначально экономика исследовалась в рамках географического пространства. Экономическая деятельность привязывалась к определенным географическим координатам в силу наличия в тех или иных географических точках пространства благоприятных для того или иного вида деятельности природных условий. Сама по себе экономическая деятельность,

возникающая в тех или иных географических районах, могла существовать как в форме товарного, так и натурального хозяйства.

Экономические агенты ориентировались на наличие в определенной точке пространства тех или иных факторов, способствующих производству благ и услуг, удовлетворяющих определенные потребности. Это могли быть потребности самого производителя и его семьи, и тогда это являлось натуральным хозяйством. Могло быть и так, что природные условия, технологии и концентрация потенциальных потребителей создавали предпосылки для удовлетворения производимым продуктом или услугой потребности более широкого круга потребителей. Тогда возникало товарное производство.

В любом случае сочетание условий окружающей среды (наличие воды, топлива, благоприятного климата, свободной земли, выгодный для обеспечения безопасности и создания транспортных путей рельеф и пр.) являлось определяющим для выбора экономическими агентами того или иного места для поселения и производства. Это определяло концентрацию экономических агентов на соответствующей территории, что со временем становилось еще одним важным фактором для развития в этом месте экономики, ориентирующейся на увеличение массы и разнообразия потребностей.

Расстояния еще не играли существенной роли. Национальное разделение труда было слабо развито, товаров было сравнительно мало, и центры их производства могли быть значительно удалены от центров потребления. В этих условиях цена в большей степени определялась редкостью блага для потребителя в конкретном месте, а не стоимостью его транспортировки. Это создавало благоприятные возможности для развития специализации отдельных местностей, в пределах которых было сосредоточено производство тех или иных товаров и услуг. Развитие же специализации непосредственно создавало основу для пространственного разделения труда в производстве этих благ и услуг. В свою очередь углубление разделения труда повело к поиску рациональных мест размещения новых производств.

В связи с этим все больший интерес приобретало исследование второй универсальной координаты экономической деятельности [32, с. 5] — распределения созданного и накопленного богатства в пространстве. Собственно говоря, поиски ответов на вопрос «где лучше производить и как лучше реализовать произведенное?» имеют давнюю историю. Уже в классических трудах А. Смита и Д. Риккардо развивалась теория международного обмена, в основе которой лежали эмпирические наблюдения о различиях производительности факторов производства в разных точках экономического пространства. Хотя внутри национальных границ экономическое пространство еще было весьма слабо фрагментировано, но международная торговля в своем развитии со всей очевидностью основывалась на пространственной

неоднородности условий приложения труда и капитала, на изначально монопольном положении отдельных стран и географических районов мира в производстве того или иного блага. Мировая торговля изначально опиралась на монопольное владение отдельными странами преимущественными условиями производства отдельных полезностей благодаря их географическим, климатическим условиям, умениям населения. Достаточно вспомнить конституирующие товары для мировой торговли: шелк и чай из Китая, вина из Португалии и Испании, предметы роскоши из Франции, ткани из Фламандии, уголь и металл из Англии, лес и зерно из России, кофе из Латинской Америки и т. д.

Поэтому в рамках международного обмена вопрос о том, где производить, не стоял, различия между производительностью факторов производства, локализованных в той или иной точке мирового пространства, были отчетливо выражены, соответствующее производство уже являлось фактом, следовало только определить, где именно находилось нужное производство и откуда дешевле привезти товар, если существовал (редко) выбор. Очевидно, этот поиск явился одной из причин великих географических открытий в ходе конкуренции за доступ к наиболее редким для европейского рынка товарам.

Иное дело — национальные пространства. Различия между производительностью факторов производства, локализованных в той или иной точке национального пространства, еще не были отчетливо выраженными. Но и здесь все более очевидной становилась потребность в сборе информации и ее представлении в удобной для использования форме о существующих условиях расселения и производственной деятельности как в тех географических районах, где уже сформировалась или формировалась более или менее организованная экономическая деятельность, так и в географических районах (территориях), еще не исследованных или мало исследованных. Эта задача, задача описания, выполнялась в рамках географических исследований. Методы ее решения были просты и зачастую не выходили за рамки здравого смысла. Одним из наиболее распространенных и действенных являлся экспедиционный метод.

Таким образом, на этом этапе исследования пространственного аспекта экономической деятельности заключались преимущественно **в выявлении особенностей конкретных проявлений экономической деятельности в различных географических условиях**. Будем называть это направление исследований **экономикой регионов**, памятуя о том, что сами регионы представляли собой главным образом определенные географические ареалы, в пределах которых сочетание природно-географических условий было выгодным для концентрации определенных видов экономической деятельности. Следовательно, можно сказать, что **экономика регионов** отвечает на следующие вопросы:

1. Почему тот или иной вид деятельности развивается именно в данных географических координатах?

2. Для какого или для каких видов деятельности наличные природные и экономические условия наиболее благоприятны по сравнению с другими географическими районами, то есть каковы параметры структурной конкурентоспособности того или иного региона?

Впрочем, было бы слишком наивно трактовать формирование экономических регионов применительно к рассматривавшемуся этапу как исключительно географически детерминированный процесс. Как правило, а возможно и исключительно (судить историкам), к моменту начала формирования экономически конкурентоспособных территориальных локализаций — экономических регионов — политическая дефрагментация национальных пространств уже была свершившимся фактом (хотя и внутри- и межнациональные политические границы в течение очень долгого времени не являлись, и до сих пор не являются, незабываемыми). Поэтому реально экономические регионы в той или иной степени были соотносительны с административно-политическими регионами.

ЭТАП ВТОРОЙ — ОТ ЭКОНОМИКИ РЕГИОНОВ К РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКЕ

Содержанием второго этапа с точки зрения эволюции теории является модификация объекта исследований — регион, расширение предметной области и методологическое усложнение пространственных исследований.

По мере расширения масштабов экономической деятельности, усложнения ее структуры, умножения потребностей (и даже без собственно промышленной революции, которая, впрочем, дала невиданный доселе толчок этому процессу) она все более приобретала форму взаимодействующих товарных производств, основанных на обмене деятельностью и ее результатами. Рыночная система, как определяющий механизм координации деятельности экономических агентов, основанный на формировании развитого разделения труда и всеобщности товарного производства, стала превращаться в основную форму экономического бытия. Именно этот этап Р. Л. Хайлблонер определил в качестве «экономической революции» [46].

Общим результатом стало то, что с этого момента неуклонно начала возрастать степень разнообразия экономической системы, образуемой совокупностью действующих экономических агентов и взаимосвязями между ними. Географические условия, оставаясь важным фактором выбора места и вида экономической деятельности, уступили главенствующее место в качестве районообразующего начала экономическим условиям (сравнительным

издержкам производства и распределения, предельной продуктивности труда и капитала, интенсивности и структуре спроса и пр.). Более того, пространственные экономические параметры стали активным элементом, деформирующим собственно географические условия.

Экономические регионы превратились в объективно формирующиеся на экономическом фундаменте комплексы взаимосвязанных и взаимодействующих экономических агентов. Это поставило во главу угла задачи формулирования понятий и концепций, относящихся к обобщению эмпирически установленных фактов, поиск закономерностей развития конкретных территориальных экономических образований в рамках географического пространства. Началось преобразование экономической географии как систематизированного описания экономики на территории в географическую экономику — науку, описывающую и объясняющую формирование и функционирование экономических систем в пределах определенного географического пространства.

Экономические регионы стали отличаться неизмеримо большим динамизмом, как в отношении конфигурации их границ, так и специализаций. Существенным образом менялась и внутренняя структура экономических районов: на место слабодифференцированных, преимущественно однородных районов пришли узловые районы с явно выраженными индустриальными центрами. Чем дальше, тем в большей степени территориально-отраслевая структура экономических регионов стала определяться деятельностью крупных корпораций, которые и определяют конкурентоспособность региона. Важно отметить и то, что формирование экономических регионов определялось пространственной неоднородностью в распределении не только природных ресурсов и труда, но и капитала.

Формирование экономических регионов как систем совместного функционирования действующих в рамках общих теоретических закономерностей экономических агентов создало возможность рассматривать пространственный аспект экономики с точки зрения общей теории экономики. Именно на этом фундаменте и сформировалось целое семейство теоретических концепций.

Начало формированию теории внутринационального размещения производства положила работа И. Тюнена («Изолированное государство в его отношении к сельскому хозяйству и национальной экономике», 1826 г.), в которой была предложена теория сельскохозяйственного штандорта. Согласно этой теории размещение производства тех или иных продуктов на границе опоясывающих рынок сбыта окружностей определяется стоимостью транспортировки этой продукции при данных ценах реализации и величине земельной ренты. В. Лаунхардт дополнил эту теорию рассмотрением промыш-

ленного производства. Идеи И. Тюнена и В. Лаунхардта были обобщены А. Вебером («О размещении промышленности: чистая теория штандорта», 1909 г.), который ввел в дополнение к транспортным затратам общие производственные издержки. Начиная с А. Вебера в теории размещения появляется развернутая система факторов размещения, под которыми понимается экономическая выгода от сокращения издержек по производству и сбыту продукции в результате оптимального размещения производства соответствующего продукта в конкретной точке экономического пространства. Эти идеи были использованы в практике плановых работ по размещению производительных сил в СССР в 1920-е гг., когда уже при разработке плана ГОЭЛРО учитывались для определения рациональных экономических районов и мест размещения предприятий три основных фактора размещения — транспортный, трудовой и агломерационный.

Дальнейшее пространственное развитие экономики показало ограниченность чисто микроэкономического подхода к проблемам размещения. Усиление взаимозависимости экономических агентов, развитие многообразных форм разделения труда все более наглядной делало невозможность объяснения решений по размещению в рамках собственно фирмы или предприятия. Ответом на этот своеобразный кризис пространственной теории в экономике стало развитие к середине XX в. теории формирования и развития субнациональных экономических комплексов.

В одной из первых в этом направлении работ В. Кристаллера («Центральные места в южной Германии», 1933 г.) ставилась и решалась пионерная задача — описать процесс формирования системы взаимоувязанных удовлетворением потребностей в рамках определенной территории производств. «Кристаллеровская решетка» (соприкасающиеся своими гранями шестиугольники, в рамках которых локализуются зоны сбыта размещенных в пределах шестиугольников производств и потребляющих их продукцию мест расселения) обеспечивала минимизацию экономического расстояния для реализации производимой продукции и движения населения. Качественное продвижение заключалось в том, что транспортная задача решалась не для одного предприятия (продукта), а для целого их комплекса. При этом комплекс составляли как производственные объекты, так и социальная сфера (население и социальная инфраструктура).

Дальнейшим развитием теории экономических взаимодействий в пространстве стала концепция А. Леша («Пространственная организация хозяйства», 1940 г.), согласно которой фирмы принимают решения о размещении в пространстве, используя в качестве критерия не только транспортные и производственные затраты, но целый спектр параметров, описывающих экономическую и институциональную среду, в которой функционируют

предприятия (налоги, пошлины, эффекты монополии и олигополии и пр.). А. Леш заложил основы системного анализа экономического региона как целостной рыночной среды, в которой функционируют отдельные предприятия — агенты рынка, выстраивающие свое поведение, ориентируясь не просто на максимум прибыли, но и на защиту своей рыночной ниши от конкурентов, следовательно, конструируя политику ценообразования применительно к условиям конкуренции именно на данном региональном рынке.

Регионы теоретически (и это отражало естественное развитие экономической жизни) перестали быть просто «географическим местом», но теоретически представляли уже не только объективной экономической системой, но и частью более общей системы национального и мирового хозяйства. А следовательно, межрегиональные взаимодействия стали естественной частью предметной области. «Экономика регионов» как научная дисциплина расширилась и стала более универсальной за счет включения в предмет исследований межрегиональных взаимодействий.

Вслед за классиками экономики регионов отечественные исследователи и практические работники — К. И. Арсеньев, П. П. Семенов, а затем А. И. Скворцов, А. Н. Челинцев, И. Г. Александров, Б. Н. Книпович, Н. Н. Колосовский [1; 20; 22; 43; 47—49] и ряд других экономистов и географов также трактовали «район» (термин, традиционно использовавшийся и до сих пор используемый в отечественной экономической географии и перекочевавший в отечественную же региональную экономику) как реально существующую либо проектируемую территориальную экономическую систему, формирующуюся на основе территориального разделения труда, которое, в свою очередь, базируется на пространственной неоднородности ресурсов и условий ведения экономической деятельности. Таким образом, «экономический регион» получил теоретическое определение в качестве «территориальной экономической системы» или «экономической системы в рамках определенной ограниченной географически территории». Это как раз и характеризовало новое качество «экономического региона» как объекта исследований региональной экономики и экономики регионов на новом этапе предметной эволюции.

Пространственно локализованные виды деятельности (производства специализации) генерировали в пределах экономически оптимального радиуса взаимодействий спрос на сопутствующие виды деятельности. Формировался территориально локализованный спрос при данных технологиях производства продуктов специализации. Это послужило основой для формирования устойчивых отношений обмена между производствами специализации, с одной стороны, и комплексом «вспомогательных и обслуживающих» производств, с другой стороны. То есть сформировался собственно территориаль-

ный рынок, относительно ограниченный в пределах данной экономической территории.

Формирование этого рынка не могло не привести к качественному скачку в разделении труда по поводу производства продуктов специализации и формированию на этой основе целостного комплекса производств и отношений на определенной территории. Это означало, что на основе экономического обмена между производствами, эксплуатирующими эффективные ресурсы, сосредоточенные на данной территории (экономическое ядро), и производствами, ориентированными на удовлетворение спроса первых (среда), формировались внутренне связанные экономические целостности. Эти целостности занимали более или менее определенное место в системе национального воспроизводства и участвовали в воспроизводстве общественного продукта посредством обмена специфическими продуктами (продукция ядра). Отношения обмена между самими пространственно локализованными отраслевыми подсистемами, то есть между отраслями специализации, также приобрели устойчивый характер. И именно устойчивость этих отношений обмена придала им форму отношений между собственно территориальными подсистемами-«комплексами», в рамках которых и оказались локализованы соответствующие производства благ и услуг.

«В пределе» подобные территориальные комплексы «накрыли» всю экономически доступную национальную территорию, и с этих пор реальная ситуация стала почти идеально походить на теоретическую модель, в которой границы пространственных хозяйственных комплексов соприкасаются и национальная экономика представляет собой множество территориальных подсистем. Именно в этой ситуации каждая отдельная фирма (предприятие, отрасль) теряет возможность ориентироваться лишь на оптимальные «для себя» варианты размещения. Она должна учитывать определенную систему экономических отношений и комплекс условий использования факторов производства, характерных для каждого региона.

Наиболее явно и масштабно подобная ситуация проявилась в условиях централизованного планирования в СССР. К середине XX в. именно в СССР соединились огромные масштабы пространственной организации экономики, уникальные возможности превращения теоретических схем пространственной организации в нормативные схемы централизованного размещения ресурсов и производств. Концепция энергопроизводственных циклов Н. Н. Колосовского [22] явилась теоретическим обоснованием формирования территориально-производственных комплексов (ТПК), которая фактически стала следствием теории Вебера для случая сверхвысокой концентрации природных ресурсов на изолированных одна от другой территориях.

Теория ТПК, которая по существу вполне соответствовала концепции А. Леша, если представлять национальную экономику в идеале как совокупность оптимальным образом специализированных и взаимодействующих территориально-производственных комплексов. Именно в рамках этих ТПК должны были бы производиться все важнейшие блага и услуги. В этом случае в рамках каждой территориальной экономической подсистемы ресурсы использовались бы оптимальным образом и, следовательно, совокупные общественные ресурсы были бы распределены и использовались оптимально. Фактически это означало бы достижение Парето-оптимального состояния национальной экономики в пространственном аспекте [32].

Взаимодействие экономических агентов, функционирующих в различных точках пространства, стало правилом, равно как и поиск путей наиболее рационального построения этих взаимодействий. Именно появление экономических взаимодействий между различными точками экономического пространства как существенный фактор общего экономического поведения стало новым конституирующим фактором организации экономического пространства.

Таким образом, экономика регионов, как исследование условий функционирования экономических агентов в пределах определенных географических ареалов, эволюционировала в *региональную экономику, исследующую экономические отношения между экономическими агентами, взаимодействующими в пределах экономических систем, формирующихся и сформированных на основе эксплуатации сравнительных преимуществ соответствующих территорий для тех или иных видов деятельности, а также отношений между экономическими агентами, функционирующими в различных регионах. Региональная экономика*, продолжая отвечать на вопросы, которые традиционно стояли перед *экономикой регионов* (см. выше), дает возможность также найти ответы на следующие дополнительные вопросы:

1. Где может быть получен наибольший эффект применения факторов производства?

2. Каков эффект системного функционирования экономических агентов в пределах географической локализации для национальной экономики?

Кроме того, в рамках региональной экономики продолжает развиваться и, более того, выходит на первый план задача описания, в том числе сравнительного, многообразных сфер, пересекающихся в пространстве: производственной и социальной сферы, условий жизни, системы расселения и размещения производства, механизмов функционирования и управления, экономических связей региона с другими регионами страны и другими странами (см., напр.: [12, с. 13—14]).

ЭТАП ТРЕТИЙ — ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ЭКОНОМИКА: КРИЗИС ТЕОРИИ ИЛИ АМБИЦИИ ТЕОРЕТИКОВ?

Сначала сформулируем вербальную формулу генезиса пространственных исследований на первых двух вышеописанных этапах: *региональная экономика — исследование внутри- и межсистемных экономических взаимодействий, являющихся функцией формирования территориальных экономических систем разного ранга — экономических регионов*. Таким образом, принципиальным и исходным моментом в генезисе пространственных исследований как направления экономической науки явился генезис самого объекта исследований — экономического региона. Однако чем более проявлялся системный характер самого региона, тем в большей степени исследование внутри- и межсистемных взаимодействий выходило на первый план. И постепенно региональная экономика начала эволюционировать в нечто отличное, получившее в последнее десятилетие устойчивое наименование «пространственная экономика» или даже «пространственная наука». Собственно говоря, уже в конце 1950-х гг. сравнительно недавно к тому времени сформировавшаяся региональная экономика уже претендовала на некие глобальные обобщения в виде «региональной науки». Это, с одной стороны, отражало все возростающий уровень сложности региональных экономических систем, которые в значительной степени интегрировались с социальными системами на территории и, естественно, корреспондировали с техническими и институциональными системами. С другой стороны, в чисто экономическом смысле, это явилось отражением двух объективных процессов экономического развития.

Во-первых, стремительно развивающаяся, особенно с начала 1960-х гг., глобализация экономической деятельности, получившая новый импульс в 1980-х гг. и ставшая непреложным фактом новейшей экономической истории в начале XXI в. Транснациональные корпорации превратили мировую экономику в единое экономическое пространство, характеризующееся общностью ресурсов, рынков и технологий. Превращение информации и информационных сетей в самостоятельный и важнейший фактор экономической деятельности окончательно превратило мировую экономику в объективно интегрированную систему, в которой состояние и взаимодействие территориальных подсистем (национальных экономик и их коалиций) критическим образом формирует результаты экономической деятельности и их динамику.

Технологические, и прежде всего информационные, модернизации мировой экономики привели к очередному и весьма существенному изменению концепции экономического региона. Становится все очевиднее, что наряду с планарным экономическим пространством формируется и непланар-

ное экономическое пространство, в котором два удаленных экономических агента могут взаимодействовать напрямую, без посредства промежуточных узлов. Это означает, что происходит своеобразная «свертка» пространства, в рамках которого функционируют экономические агенты.

Это, конечно, не означает, что сжатие экономического «пространства и времени» отменяет «традиционное» планарное пространство и ведет к отмене «тирании географии». По-прежнему большая часть экономической деятельности осуществляется в рамках «традиционного», планарного или лёшевского экономического пространства. Значительный объем экономической деятельности осуществляется также в рамках географического пространства.

Но бесспорно происходит формирование нового качества пространственных проявлений экономической деятельности. И одним из видимых гносеологических проявлений этого является все большая популярность так называемой геоэкономики, описывающей как раз формирование и функционирование экономических агентов на глобальном уровне.

Во-вторых, во второй половине XX в. развитие территориального разделения труда и прогресс пространственной дефрагментации и территориальной интеграции в рамках национальных экономик дали основание представлять собственно экономические регионы как субнациональные экономики, а их совокупность — как национальную экономику. Особенно масштабно подобное представление пространственного аспекта национальной экономики было характерно для централизованной экономики в СССР, где сформировалась концепция единого народнохозяйственного комплекса. В рамках этой концепции экономический регион трактовался как «целостный функционирующий механизм, в пределах которого функционирует локальная воспроизводственная система» [50, с. 67], и в то же время регион признавался неотъемлемой частью единой системы производительных сил и производственных отношений, в рамках которой осуществляются полные циклы воспроизводства [51, с. 17].

Эта позиция укладывалась в концепцию энергопроизводственного цикла, существенно ее расширяя. Подобная трактовка регионального элемента национальной экономики действительно хорошо описывала реальную ситуацию функционирования национальной экономики как «единой фабрики», где отдельные производства и их территориальные комплексы выстраивались в виде идеально дополняющих друг друга и тесно взаимодействующих компонентов. С этой точки зрения, которая была вполне в духе Вебера и Кристаллера, экономический регион действительно предстал «как часть народнохозяйственного комплекса, характеризующаяся наличием воспроизводственного процесса и определяющая общественный воспроизводственный процесс в целом» [34, с. 27].

Следовательно, экономика представлялась как совокупность взаимодействующих, оптимальным образом специализированных и взаимодополняющих друг друга региональных экономических комплексов. И проблема эффективного использования факторов производства в национальном масштабе сводится в этом случае к тому, чтобы, во-первых, наилучшим образом определить границы этих комплексов (провести оптимальное районирование), а во-вторых, поддерживать равновесие в их границах, что теоретически должно обеспечить общее экономическое равновесие в рамках национальной экономики.

Одним из результатов превращения экономических регионов в самостоятельных и активных агентов общественного воспроизводства, составные элементы «единого народнохозяйственного комплекса» явилось то, что региональная экономика стала «по умолчанию» восприниматься как теория комплексного регионального развития [41, с. 24], то есть теория оптимального взаимодействия оптимально организованных экономических регионов. И это также отражало объективную экономическую реальность, так как экономическая структура и внутренние взаимодействия в пределах регионов становились не только все более сложными структурно, но и все менее «экономичными». Все в большей степени осознавался факт обусловленности параметров функционирования экономических регионов результатами функционирования в их границах социальных и институциональных систем.

Соответственно, стало невозможно игнорировать пространственную компоненту экономического развития независимо от того, шла ли речь о командной или вполне рыночной экономике. Не только командные и иерархически организованные, но любые сложные национальные экономики независимо от размеров пространства являются пространственно организованными экономиками. И не случайно именно в Западной Европе (Германия, Нидерланды, Великобритания, Франция, Италия) идеи пространственного развития и механизмы государственного управления региональным развитием получили столь большое развитие. Более того, отсутствие в западноевропейских экономиках уникальных возможностей централизованного арбитража в области пространственного распределения факторов производства, которые предоставлялись командной экономикой, стало важным стимулом развития теории региональной экономики.

От работ «французской школы» (Ф. Перу, Ж. Будвиль и др. [37]), в рамках которой сформировалось представление о поляризованном экономическом развитии и теории пространственной диффузии нововведений (Т. Хегерstrand), и далее к теории кластеров (М. Портер [39]) явственно прослеживается тенденция рассмотрения национального рынка как системы взаимодействующих региональных рынков. При этом как непреложный

факт принимается то, что существенным образом меняется характер взаимодействий внутри и между экономическими регионами. Наряду с узловыми районами¹ все большее развитие получают сетевые районы², в которых в отличие от узловых районов структура экономики определяется взаимодействием автономных и взаимозаменяемых фирм, что предполагает гибкую специализацию и склонность к инновациям.

Два вышеуказанных обстоятельства обусловили по крайней мере три важнейших следствия.

1. Национальные экономики стали представлять собой в существенной степени систему взаимодействующих экономических регионов, которые, как правило, являются системными образованиями комплексного характера. Причем их составными компонентами являются не только экономические агенты и их взаимоотношения, но также социальные и институциональные подсистемы. Точно так же, как (см. выше) становление региональной экономики знаменовало невозможность изолированного принятия решений о размещении производств без учета решений других экономических агентов на микроуровне, на нынешнем этапе развития экономики стало невозможно принятие каких-либо решений относительно размещения или развития на микроуровне без учета системных экономических и социальных эффектов в пределах экономических регионов.

То есть любые микроэкономические решения генерируют обязательные изменения в пределах всей социальной и экономической системы в пределах региона. И наоборот, отсутствие подобной взаимоувязанности решений является залогом неэффективности принимаемых решений, независимо от того, предпринимаются ли эти действия на микро- или на макроуровне.

В этом смысле можно утверждать, что экономические регионы в своем развитии преодолели очередной порог эволюции, превратившись в такие системные образования, которые принципиально не являются аддитивными множествами расположенных на территории экономических агентов, но в то же время, обладая признаками структурной системности, они не имеют достаточной полноты с точки зрения системности параметрической (см., напр.: [23, с. 169—172]). То есть «новые экономические регионы» предстают в качестве неких «усеченных национальных экономик» или, как отмечалось выше, «субнациональных экономик». Вряд ли имеет смысл искать специфический термин, отражающий это состояние экономического региона, хотя

¹ В соответствии с отечественной традицией в данной статье термин «экономические районы» употребляется как синоним термина «экономические регионы».

² О сетевых территориальных образованиях и месте в территориальной организации российской экономики (см., напр.: [16; 21]).

искушение предложить такой термин велико. В частности, выше упоминавшийся термин «мезоэкономика» часто употребляется и в качестве синонима термина «региональная экономика», подразумевая при этом, что существует некая терминологическая триада: микроэкономика — мезоэкономика — макроэкономика, а также в качестве обозначения региона как объекта исследования.

Попытки конструирования теоретического синтеза за счет предметного заполнения разрыва между макро- и микроэкономикой посредством мезоэкономики в качестве второго издания региональной науки неприемлемы. Авторская позиция заключается в том, что триады «макроэкономика — мезоэкономика — микроэкономика» не существует. Рамки данной статьи не позволяют подробно обсудить этот терминологический вопрос, но одно пояснение все-таки следует сделать. В пространстве, то есть в рамках самих экономических регионов и взаимодействий между конституирующими их экономическими агентами, формируются и реализуются как макро-, так и микроэкономические закономерности и принципы. Если существуют некоторые отношения и взаимосвязи, которые не описываются ни макро-, ни микроэкономикой, то в таком случае действительно следовало бы говорить о какой-то новой промежуточной дисциплине. Но тогда эти отношения и закономерности следует явно определить.

2. Формирование экономических регионов как подсистем национальных экономик обуславливает задачу формирования равновесия в их пределах и нахождения оптимального способа распределения ресурсов между ними как условия поддержания общего экономического равновесия в пределах национальной экономики. Эти задачи становятся все более сложными по мере развития и усложнения самой по себе экономики и осознания ее взаимообусловленности с экологическими, социальными, технологическими аспектами общественного развития в целом. Не просто максимизация агломерационных эффектов, но реальная системная рационализация многомерных территориальных комплексов все более требует научного осмысления закономерностей взаимообусловленного развития этих комплексов. В условиях командной централизованной экономики квазикомплексность территориальных образований и псевдоравновесие на межотраслевых и региональных рынках обеспечивались за счет явного использования внеэкономических критериев при определении оценок общественной полезности размещения ресурсов.

Использование «чистых» рыночных критериев пространственного распределения общественных экономических ресурсов также невозможно, так как территориальное развитие, региональные проблемы, как известно, являются (наряду с собственно социальными проблемами) чуть ли не основной

сферой проявления «провалов рынка». Поэтому ни в одной по-настоящему рыночной стране пространственная организация производительных сил, как и развитие регионов различного ранга, не определяется исключительно рыночными принципами.

Разумеется, главными ориентирами для размещения факторов производства, а следовательно и для развития и равновесного функционирования социально-экономических комплексов в регионах, становятся пространственно дифференцированные макро-, микроэкономические и институциональные параметры, формирующие экономическое поведение и решения экономических агентов. Именно экономические агенты становятся главными субъектами, определяющими не только пространственное распределение факторов производства, но и характер, масштаб, динамику развития социально-экономических комплексов регионов.

Следовательно, задача поддержания общего экономического равновесия в рамках как экономических регионов, так и национальной экономики в целом сводится ныне к задаче воздействия на экономическое поведение микроэкономических агентов в целях создания такого пространственного распределения значений микро- и макроэкономических параметров (средних и предельных затрат факторов производства, цен благ и услуг, факторных цен, доходов, сбережений, занятости, институциональных параметров и пр.), при котором (которых) объективно обусловленные решения микроэкономических агентов будут соответствовать формированию равновесных значений макро- и «регио-» экономических равновесий.

Это означает выдвижение на первый план проблемы экономической политики, а в рамках общей экономической политики формирование государственной региональной экономической политики. Превращение региональной политики в составной элемент общей экономической политики является важнейшим индикатором для государства и общества, а следовательно и для науки, того, что пространство стало существенным фактором общественно-экономического прогресса наряду с традиционными факторами производства, технологиями и институтами.

3. Необходимость нахождения оптимальных решений в области распределения и взаимодействия экономических и технологических ресурсов в глобальном масштабе, что отчетливо проявилось в ходе региональных и глобального кризисов 1980—2000-х гг., обусловила появление глобальной экономической политики, предназначенной для регулирования единого глобального экономического пространства, в рамках которого функционируют и взаимодействуют глобальные экономические игроки разного ранга и масштаба. Экономическая глобализация высветила как преимущества, так и проблемы нарастающей взаимозависимости национальных экономик,

которые по отношению друг к другу все более напоминают взаимодействие динамичных, конкурирующих и постоянно меняющих свои сравнительные параметры пространственных кластеров (регионов).

Следовательно, современная экономика, как на национальном, так и на глобальном уровнях, предстает в форме «матрешки» с бесконечно большим числом «вложенных» друг в друга и взаимодействующих друг с другом пространственных социально-экономических кластеров (регионов) (см., напр.: [32]).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вопрос заключается в том, достаточны ли модели и инструменты, предлагаемые современной экономической теорией для описания и прогнозирования развития этого синтетического объекта — «пространственной матрешки», или же требуется некая новая теория, теория пространственного междисциплинарного синтеза?

В действительности к настоящему времени в рамках региональной экономики существуют теоретические и экспериментальные возможности ответа лишь на следующие вопросы.

1. Где следует размещать факторы производства для получения наилучшего микроэкономического эффекта — пространственный аспект микроэкономики?

2. Как распределение значений экономических параметров в пространстве определяет уровни и динамику синтетических параметров, описывающих национальную и мировую экономику — пространственный аспект макроэкономики?

3. Какие элементы государственной экономической политики должны и могут быть задействованы для мотивации экономических агентов по принятию ими необходимых решений в области пространственного распределения факторов производства — пространственный аспект макроэкономики?

Исходя из вышеизложенного, можно утверждать, что по следующим причинам ответы на эти вопросы уже недостаточны, а уровень сложности пространственной организации и пространственных взаимодействий в современной экономике уже превзошел теоретические и экспериментальные возможности региональной экономики.

А. Региональная экономическая политика конструирует систему стимулов и ограничений, ориентированных на изолированный регион, а не на систему регионов.

Б. Экономическое равновесие в рамках определенного экономического региона рассматривается без явного учета равновесия в иных регионах, и

тем более без учета необходимости найти равновесное состояние всей пространственной системы регионов.

В. Региональная экономика исследует взаимодействие административных регионов в пределах национальной экономики. Необходимо описать взаимодействие (конкуренцию) эффективных в микроэкономическом смысле экономических агентов внутри экономических регионов, формирование эффективных национальных пространственных систем, образуемых взаимодействиями пространственно локализованных экономических агентов и их кластеров, формирование параметров международного экономического пространства в процессе взаимодействия национальных экономических пространств.

Г. Невозможно четко определить алгоритм и методы измерения сравнительной общественной полезности функционирования и развития тех или иных экономических регионов, без чего нельзя определить соответствие макроэкономических и социальных целей общественного развития вариантам пространственного распределения общественных ресурсов.

Эти обстоятельства свидетельствуют о незавершенности процесса теоретического и методологического оформления научной системы, описывающей макро-, микро- и глобальную экономическую динамику. Пространственный аспект многомерных экономических систем в современных условиях не может быть адекватно описан существующими подходами в рамках региональной экономики. Следовательно, на повестку дня выдвигается теоретическое и методологическое оформление нового подхода к системному представлению экономики как взаимодействию микроэкономических агентов, регио-, макро- и глобальных взаимодействий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александров И. Г. Производственное районирование и его методология // Плановое хозяйство. 1928. № 4.
2. Анимица Е. Г., Иваницкий В. П., Пешина Э. В. В поисках новой парадигмы регионального развития. Екатеринбург, 2005.
3. Анимица Е. Г., Сухих В. А. Пространственно-временная парадигма в социэкономике: региональный аспект. Пермь, 2007.
4. Антология экономической мысли на Дальнем Востоке. Вып. 1. Хабаровск: РИОТИП, 2008.
5. Антология экономической мысли на Дальнем Востоке. Вып. 2. Хабаровск: РИОТИП, 2009.
6. Бланишар О. Ж. Неоклассический синтез // Экономическая теория / Под ред. Дж. Итуэлла, М. Милгейта, П. Ньюмена. М.: ИНФРА-М, 2004.
7. Блини М. Обзор современной теории // Панорама экономической мысли конца XX столетия / Под ред. Д. Гринуэй, М. Блини, И. Стюарта. СПб., 2002.
8. Бродель Ф. Время мира. М.: Прогресс, 1992.

9. Вернадский Г. В. Русская история. М.: Аграф, 1997.
10. Горман С. П. и др. Фактор расстояния: анализ уязвимости ключевых объектов инфраструктуры // *Пространственная экономика*. 2005. № 4.
11. Гранберг А. Г. О программе фундаментальных исследований пространственного развития России // *Регион*. 2009. № 2.
12. Гранберг А. Г. Основы региональной экономики: Учебник для вузов. М.: ГУ ВШЭ, 2000.
13. Гранберг А. Г. Пространственная экономика в системе наук. Доклад на Первом Российском экономическом конгрессе (7–12 декабря, 2009 г., Москва). <http://www.econopus.org/cprogram.phtml?vid=progsections&sid=14&ssid=58&gid=1044>.
14. Гранберг А. Г. Экономическое пространство России // *Экономика и управление*. 2006. № 2.
15. Гриневецкий В. И. Послевоенные перспективы русской промышленности. М., 1919.
16. Демьяненко А. Н. и др. Влияние «сетевого феномена» на функционирование хозяйственных структур // *Вестник ДВО РАН*. 2008. № 5.
17. Демьяненко А. Н., Дятлова Л. А. Вопросы экономического районирования: забытые достижения // *Пространственная экономика*. 2005. № 1.
18. Изард У. Методы регионального анализа. М.: Прогресс, 1966.
19. Иншаков О. В., Фролов Д. П. Институциональность пространства в концепции пространственной экономики // *Пространственная экономика*. 2007. № 1.
20. Книпович Б. Н. Сельскохозяйственное районирование. М.: Новая деревня, 1925.
21. Княгинин В. Н., Щедровицкий П. Г. Промышленная политика России: кто оплатит издержки глобализации. М.: Европа, 2005.
22. Колосовский Н. Н. Производственно-территориальное сочетание (комплекс) в советской экономической географии // *География хозяйства СССР*. М.: Географгиз, 1947.
23. Кругман П., Обстфельд М. Международная экономика. Теория и политика. М.: Экономический факультет МГУ, ЮНИТИ, 1997.
24. Ласуэн Х. Р. Урбанизация и экономическое развитие: временное взаимодействие между географическими и отраслевыми кластерами // *Пространственная экономика*. 2009. № 4; 2010. № 1.
25. Лёш А. Природа экономических районов // *Пространственная экономика*. 2006. № 3.
26. Макаров Н. Крестьянское хозяйство и его эволюция. М., 1920.
27. Мау В. А. Реформы и догмы. М.: Дело, 1993.
28. Мезоэкономика переходного периода: рынки, отрасли, предприятия / Под ред. Г. Б. Клейнера. М.: Наука, 2001.
29. Минакир П. А. Дальний Восток в модифицирующейся экономике России // *Экономическая наука современной России*. 2004. № 1.
30. Минакир П. А. и др. Экономические исследования на Дальнем Востоке // *Пространственная экономика*. 2006. № 3–4.
31. Минакир П. А. Системные трансформации в экономике. Владивосток: Дальнаука, 2001.
32. Минакир П. А. Экономика и пространство // *Пространственная экономика*. 2005. № 1.
33. Минакир П. А. Экономика региона. Дальний Восток. М.: Экономика, 2006.
34. Минакир П. А. Экономическое развитие региона: программный подход. М.: Наука, 1983.

35. *Некрасов Н. Н.* Региональная экономика: Теории, проблемы, методы. 2-е изд. М.: Экономика, 1978.
36. *Нельсон Р. Р., Уинтер У. Дж.* Эволюционная теория экономических изменений. М.: Дело, 2002.
37. *Перру Ф.* Экономическое пространство: теория и приложение // Пространственная экономика. 2007. № 3.
38. *Попов Е. В.* Единство миниэкономических теорий // Труды Всероссийского симпозиума по экономической теории. Пленарные доклады. Екатеринбург, 2003.
39. *Портер М.* Экономическое развитие регионов // Пространственная экономика. 2006. № 4.
40. Пространственные трансформации в российской экономике / Общ. ред. П. А. Минакира. М.: Экономика, 2002.
41. *Пчелинцев О. С.* Региональная экономика в системе устойчивого развития. М.: Наука, 2004.
42. *Рихтер Р.* Новая институциональная экономическая теория: первые шаги, сущность и перспективы // Российский журнал менеджмента. 2006. № 1.
43. *Семенов П. П.* Несколько общих выводов из данных по статистике поземельной собственности и населенных мест Центральной земледельческой области // Статистика поземельной собственности и населенных мест Европейской России. Вып. 1. СПб., 1880.
44. *Сурнина Н. М.* Пространственная экономика: проблемы методологии, теории и практики. Екатеринбург, 2003.
45. *Фридрих Э.* Общий очерк экономической географии. СПб., 1910.
46. *Хайлблонер Р. Л.* Философы от мира сего. М.: КоЛибри, 2008.
47. *Челинцев А. Н.* К методологии сельскохозяйственного районирования // Пути сельского хозяйства. 1928. № 4—6.
48. *Челинцев А. Н.* К очередным задачам сельскохозяйственной экономики // Современные вопросы русского сельского хозяйства. К 50-летию И. А. Стебута. СПб., 1904.
49. *Челинцев А. Н.* Очерки по сельскохозяйственной экономике. Сельскохозяйственные районы Европейской России как стадии с.-х. эволюции и культурный уровень сельского хозяйства в них. СПб., 1910.
50. *Шнипер Р. И.* Региональные предплановые исследования. Экономический аспект. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1978.
51. *Шнипер Р. И.* Экономические методы управления. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1991.
52. *Шумпетер Й. А.* История экономического анализа. Т. 1. СПб.: Экономическая школа, 2004.
53. *Cipolla C. M.* The Economic History of World Population. 1964.